
СКАЗКИ
Д

Сказки

В обработке
А. Н. Толстого

Рисунки
Т. Васильевой

Москва
„Детская литература"
1987

РФ
Т52

$С \frac{4803010101-338}{М101(03)87} 145-87$

РЕПКА

Посадил дед репку и говорит:
— Расти, расти, репка,сладка́! Расти, расти, репка, крепка́!
Выросла репка сладка́, крепка́, большая-пребольшая.
Пошёл дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.
Позвал дед бабку.

Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут, вытянуть не могут.
Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку —

Тянут-потянут — и вытянули репку.

КУРОЧКА РЯБА

Жили-были дед да баба,
У них была курочка ряба.
Снесла курочка яичко:
Пестро́, востро́, костяно́, мудрено́, —
Посадила яичко в осиное дупёлко,
В кут[1] под лавку.
Мышка бежала, хвостом вернула,
Яичко приломала.
Об этом яичке дед стал плакать,
Бабка рыдать, вереи[2] хохотать,
Курицы летать, ворота скрипеть,
Сор под ногами заку́рился,
Двери побутусились[3], тын рассыпался,
Верх на избе зашатался...

[1] Кут — угол. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*
[2] Верей — столбы у ворот. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*
[3] Побуту́сились — выпятились, распузатились. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

А курочка ряба им говорит:
— Дед, не плачь, бабка, не рыдай,
Куры, не летайте,
Ворота, не скрипите, сор под порогом,
Не закуривайся,
Тын, не рассыпайся,
Верх на избе, не шатайся,
Снесу вам ещё яичко:
Пестро́, востро́, костяно́, мудрено́,
Яичко не простое — золотое.

КОЛОБОК

Жили-были старик со старухой.

Вот и говорит старик старухе:

— Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусеку[1] помети, не наскребёшь ли муки на колобок.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела и наскребла муки горсти две.

Замесила муку на сметане, состряпала колобок, изжарила в масле и на окошко студить положила.

Колобок полежал, полежал, взял да и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по́ полу к двери, прыг через порог — да в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

— Не ешь меня, заяц, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
От тебя, зайца, подавно уйду!

[1] *Сусе́к* — большой деревянный ящик, в котором хранится мука или зерно. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

И покатился по дороге — только заяц его и видел!
Катится колобок, навстречу ему волк:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, я тебе песенку спою:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
От тебя, волк, подавно уйду!

И покатился по дороге — только волк его и видел!
Катится колобок, навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок, я тебя съем!
— Где тебе, косолапому, съесть меня!

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От тебя, медведь, подавно уйду!

И опять покатился — только медведь его и видел!
Катится колобок, навстречу ему лиса:
— Колобок, колобок, куда катишься?
— Качусь по дорожке.
— Колобок, колобок, спой мне песенку!
Колобок и запел:

Я колобок, колобок,
Я по коробу скребён,
По сусеку метён,
На сметане мешон

Да в масле пряжон,
На окошке стужон.
Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл,
Я от зайца ушёл,
Я от волка ушёл,
От медведя ушёл,
От тебя, лисы, нехитро уйти!

А лиса говорит:

— Ах, песенка хороша, да слышу я плохо. Колобок, колобок, сядь ко мне на носок да спой ещё разок, погромче.

Колобок вскочил лисе на нос и запел погромче ту же песенку.

А лиса опять ему:

— Колобок, колобок, сядь ко мне на язычок да пропой в последний разок.

Колобок прыг лисе на язык, а лиса его — гам! — и съела.

ТЕРЕМОК

Ехал мужик с горшками и потерял один горшок. Прилетела муха-горюха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

Видит — никого нет. Она залетела в горшок и стала там жить-поживать.

Прилетел комар-пискун и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха. А ты кто?

— Я комар-пискун.

— Ступай ко мне жить.

Вот они стали жить вдвоём.

Прибежала мышка-погрызуха и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.

— Я, комар-пискун. А ты кто?

— Я мышка-погрызуха.

— Ступай к нам жить.

Стали они жить втроём.

Прискакала лягушка-квакушка и спрашивает:

— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?

— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха. А ты кто?
— Я лягушка-квакушка.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вчетвером.
Бежит зайчик и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка. А ты кто?
— Я заюнок-кривоног, по горке скок.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить впятером.
Бежала мимо лиса и спрашивает:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок. А ты кто?
— Я лиса — при беседе краса.
— Ступай к нам жить.
Стали они жить вшестером.
Прибежал волк:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.
— Я, лиса — при беседе краса. А ты кто?
— Я волк-волчище — из-за куста хватыш.
— Ступай к нам жить.
Вот живут они семеро все вместе — и горя мало.
Пришёл медведь и стучится:
— Чей домок-теремок? Кто в тереме живёт?
— Я, муха-горюха.
— Я, комар-пискун.
— Я, мышка-погрызуха.
— Я, лягушка-квакушка.
— Я, заюнок-кривоног, по горке скок.

— Я, лиса — при беседе краса.

— Я, волк-волчище — из-за куста хватыш. А ты кто?

— Я вам всем пригнётыш.

Сел медведь на горшок, горшок раздавил и всех зверей распугал.

КОЧЕТОК[1] И КУРОЧКА

Жили курочка с кочетком.

Пришли они в лес по орехи.

Кочеток залез на орешню орехи рвать, а курочке велел на земле подбирать.

Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек и попал курочке в глазок.

Курочка пошла — плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

— Мне орешня портки разорвала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

— Меня козы подглодали.

— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! На что вы коз не бережёте?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

— Хозяйка, хозяйка! На что ты пастухов блинами не кормишь?

— А у меня свинья опару пролила.

— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

— У меня волк поросёночка унёс.

— Волк, волк! На что ты у свиньи поросёночка унёс?

— Я есть захотел.

[1] Кочето́к — петушок. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

БОБОВОЕ ЗЁРНЫШКО

Жили-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

— Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зёрнышко!

— Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зёрнышко и подавился. Позвал курочку:

— Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

— Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зёрнышком!

Речка говорит:

— Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

— Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Липка говорит:

— Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

— Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Девушка отвечает:

— Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

— Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, отнесу нитку липке, липка даст листок, отнесу листок речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Гребенщики говорят:

— Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

— Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке, девушка даст нитку, нитку отнесу липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Калашники говорят:

— Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

— Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова ка-

лашникам, калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам, гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке, девушка даст нитку, нитку отдам липке, липка даст листок, листок отнесу речке, речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зёрнышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам, калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам, гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке, девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке, липка дала листок, отнесла листок речке, речка дала водицы.

Петушок напился, и проскочило зёрнышко.

Запел петушок:

— Ку-ка-ре-куу!

НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ

Пошёл козёл лыки[1] драть, а коза орехи рвать.

Пришёл козёл с лыками — нет козы с орехами.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Ну, добро же, коза! Пошлю на тебя волка.

Волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, волк! Пошлю на тебя медведя.

Медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, медведь! Пошлю на тебя людей.

Люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, люди! Пошлю на вас дубьё.

Дубьё нейдёт людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, дубьё! Пошлю на тебя топор.

Топор нейдёт дубьё рубить, дубьё нейдёт людей бить,

[1] Лыко — волокнистое подкорье, находящееся под липовой корой; из него плетут лапти. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, топор! Пошлю на тебя камень.

Камень нейдёт топор тупить, топор нейдёт дубьё рубить, дубьё нейдёт людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, камень! Пошлю на тебя огонь.

Огонь нейдёт камень палить, камень нейдёт топор тупить, топор нейдёт дубьё рубить, дубьё нейдёт людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, огонь! Пошлю на тебя воду.

Вода нейдёт огонь заливать, огонь нейдёт камень палить, камень нейдёт топор тупить, топор нейдёт дубьё рубить, дубьё нейдёт людей бить, люди нейдут медведя стрелять, медведь нейдёт волка драть, волк нейдёт козу гнать.

Нет козы с орехами, нет козы с калёными!

— Добро же, вода! Пошлю на тебя ветер.

Ветер послушался и пошёл воду гнать, вода пошла огонь заливать, огонь пошёл камень палить, камень пошёл топор тупить, топор пошёл дубьё рубить, дубьё пошло людей бить, люди пошли медведя стрелять, медведь пошёл волка драть, волк пошёл козу гнать.

Пришла коза с орехами, пришла коза с калёными!

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избёнка ледяная, у зайца — лубяная[1].

Пришла весна красна — у лисы избёнка растаяла, а у зайца стоит по-старому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из

[1] Луб — плотная часть липового подкорья; из луба делают короба, крыши и т. п. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

избёнки и выгнала. Идёт доро́гой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

— Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подошли они к избёнке. Собака забрехала:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала.

Зайчик опять идёт доро́гой, плачет. Ему навстречу медведь:

— О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Не плачь, я твоему горю помогу.

— Нет, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Медведь как закричит:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идёт опять зайчик. Ему навстречу бык:

— Что, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдём, я твоему горю помогу.

— Нет, бык, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Бык как заревел:

— Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Бык испугался и убежал.

Идёт опять зайчик доро́гой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:

— Ку-ка-реку! О чём, зайчик, плачешь?

— Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

— Пойдём, я твоему горю помогу.

— Нет, петух, не поможешь. Собака гнала — не выгнала, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,
Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услыхала, испугалась и говорит:

— Обуваюсь...

Петух опять:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,
Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:

— Одеваюсь...

Петух в третий раз:

— Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посе́чи,
Слезай, лиса, с пе́чи,
Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти выбежала, петух её тут и зарубил косой.

И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избёнке.

ВОЛК И КОЗЛЯТА

Жила-была коза с козлятами. Уходила коза в лес есть траву шелко́вую, пить воду студёную. Как только уйдёт — козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит, напоит и опять уйдёт в лес, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк подслушал, как поёт коза. Вот раз коза ушла, волк побежал к избушке и закричал толстым голосом:

— Вы, детушки!
Вы, козлятушки!
Отопритеся,
Отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

Козлята ему отвечают:

— Слышим, слышим — да не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонюсеньким голосом и не так причитает.

Волку делать нечего. Пошёл он в кузницу и велел себе горло перековать, чтоб петь тонюсеньким голосом. Кузнец ему горло перековал. Волк опять побежал к избушке и спрятался за куст.

Вот приходит коза и стучится:

— Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята впустили мать и давай рассказывать, как приходил волк, хотел их съесть.

Коза накормила, напоила козлят и строго-настрого наказала:

— Кто придёт к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберёт всего, что я вам причитываю, — дверь не отворяйте, никого не впускайте.

Только ушла коза, волк опять шасть к избушке, постучался и начал причитывать тонюсеньким голосом:

—Козлятушки, ребятушки!
Отопритеся, отворитеся!
Ваша мать пришла — молока принесла;
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отворили дверь, волк кинулся в избу и всех козлят съел. Только один козлёночек схоронился в печке.

Приходит коза; сколько ни звала, ни причитывала — никто ей не отвечает. Видит — дверь отворена, вбежала в избушку — там нет никого. Заглянула в печь и нашла одного козлёночка.

Как узнала коза о своей беде, как села она на лавку — начала горевать, горько плакать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки!
На что отпиралися-отворялися,
Злому волку доставалися?

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Что ты на меня грешишь, кума? Не я твоих козлят съел. Полно горевать, пойдём лучше в лес, погуляем.

Пошли они в лес, а в лесу была яма, а в яме костёр горел. Коза и говорит волку:

— Давай, волк, попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Стали они прыгать. Коза перепрыгнула, а волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму.

Брюхо у него от огня лопнуло, козлята оттуда выскочили, все живые, да — прыг к матери! И стали они жить-поживать по-прежнему.

КОЗА-ДЕРЕЗА

Жили-были старик со старухой да их дочка.

Вот дочка пошла пасти коз. Пасла по горам, по долам, по зелёным лугам, вечером пригнала их домой. Старик вышел на крыльцо и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Отвечают ему козы:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под берёзкой полежали!

А одна коза отвечает:

— Я не сы́та, я не пья́на,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под берёзкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек,
Да как бежала через гребе́льку[1],
Ухватила воды капе́льку.

Рассердился старик на дочь и прогнал её с глаз долой.

На другой день послал пасти старуху. Старуха пасла коз по горам, по долам, по зелёным лугам.

Поздно вечером пригнала их домой.

Вышел старик на крыльцо:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,

---

[1] Гребе́лька — узкая плотина поперёк речки. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под берёзкой полежали!

А одна коза — всё своё:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под берёзкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек,
Да как бежала через гребе́льку,
Ухватила воды капе́льку.

Пуще прежнего рассердился старик, прогнал старуху с глаз долой.

На третий день сам пошёл пасти коз. Пас по горам, по долам, по зелёным лугам. Пригнал их вечером домой, сам забежал вперёд и спрашивает:

— Вы, козочки, вы, матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Козы ему отвечают:

— Мы и сыты, мы и пьяны,
Мы по горочкам ходили,
Травушку пощипали,
Осинушки поглодали,
Под берёзкой полежали!

А одна коза — всё своё:

— Я не сыта, я не пьяна,
По горочкам не ходила,
Травушку не щипала,
Осинушки не глодала,
Под берёзкой не лежала,
А как бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек,
Да как бежала через гребе́льку,
Ухватила воды капе́льку.

Старик поймал эту козу, привязал её и давай бить. Бил, бил, половину бока ободрал и пошёл нож точить.

Коза видит — дело плохо, оторвалась и убежала. Бежала, бежала, прибежала в заячью избушку, завалилась на печку и лежит.

Приходит зайчик:

— Кто, кто в мою избушку залез?

А коза ему с печи отвечает:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу́, топу́, ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

Зайчик испугался и убежал. Идёт, горько плачет.

Попадается навстречу ему петух в красных сапожках, в золотых серёжках, на плече косу несёт:

— Здравствуй, заинька. Чего плачешь?

— Как мне не плакать? Забралась коза в мою избушку, меня выгнала.

— Пойдём, я твоему горю помогу.

Подошли они к избушке, петух постучался:

— Тук-тук, кто в избушке?

А коза ему с печи:

— Я, коза-дереза,
За три гроша куплена,
Полбока луплено,
Топу́, топу́ ногами,
Заколю тебя рогами,
Ножками затопчу,
Хвостиком замету!

А петух как вскочит на порог да как закричит:

— Я иду в сапожках,
В золотых серёжках,
Несу косу,
Твою голову снесу
По самые плечи,
Полезай с пе́чи!

Коза испугалась да со страху упала с печи и убилась...

А заинька с петушком стали в избушке жить да быть да рыбку ловить.

ПЕТУШОК — ЗОЛОТОЙ ГРЕБЕШОК

Жили-были кот, дрозд да петушок — золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят — строго наказывают:

— Мы пойдём далёко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай, когда придёт лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

— Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

— Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше пойдём, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:
— Ко-ко-ко! Как не дают?!
Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.
Закричал петушок:

— Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису — кот дерёт, дрозд клюёт, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

— Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше уйдём, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далёко в лес дрова рубить.

А лиса — тут как тут: села под окошечко и поёт:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса — опять:

— Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок всё помалкивает. А лиса — опять:

— Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

— Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал — кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой — петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

— Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Ещё дома ли Лисафья-кума,
Во своём ли тёплом гнёздышке?

Лисица слушала, слушала и думает:

«Дай-ка посмотрю — кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд её схватили — и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

ЛИСА И ВОЛК

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошёл, а лисичка не воро́хнется, лежит, как мёртвая.

— Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке.

Повыбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовёт бабу:

— Ну, старуха, знатный воротник привёз тебе на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротника, ни рыбы. И начала она старика ругать:

— Ах ты, старый хрен, такой-сякой, ещё вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

— Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

— Я ем — свой, а ты подальше стой.

— Дай мне рыбки.

— Налови сам, да и ешь.

— Да я не умею.

— Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманёк, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и ма́ла и велика́, ловись, рыбка, и ма́ла и велика́!» Так рыба тебя сама за хвост будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошёл волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

— Ловись, рыбка, и ма́ла и велика́,
Ловись, рыбка, и ма́ла и велика́!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

— Ясни, ясни на небе звёзды,
Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

— Что ты, кума, всё говоришь?

— А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

— Ясни, ясни на небе звёзды,
Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби. Хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться — не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащить!»

В это время идёт баба с вёдрами за водой. Увидела волка и закричала:

— Волк, волк! Бейте его!

Волк — туда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила вёдра и давай его бить коромыслом. Била, била, волк рвался, рвался, оторвал себе хвост и пустился наутёк.

«Хорошо же, думает, ужо[1] я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба, наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит — стонет.

Волк ей навстречу:

— Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего исколотили...

Лиса ему говорит:

— Эх, куманёк! У тебя хвоста нет, зато голова цела, а мне голову разбили: смотри — мозг выступил, насилу плетусь.

— И то правда,— говорит ей волк.— Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Села лисица волку на спину. Он её и повёз.

Вот лисица едет на волке и потихоньку поёт:

— Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

— Ты чего, кума, всё говоришь?..

— Я, куманёк, твою боль заговариваю.

И сама опять:

— Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА

Жили-были старик со старухой.

Посеяли они репку. Вот повадился медведь репку у них воровать. Старик пошёл посмотреть и видит: много репы нарвано да разбросано кругом.

[1] Ужо́ — скоро, в тот же день. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Воротился он домой и рассказывает старухе. А она ему говорит:

— Да кто же репу нарвал? Если бы люди, так унесли бы. Наверно, это медведь проказит! Поди-ка, старик, покарауль вора!

Старик взял топор и пошёл караулить на ночь. Лёг под плетень и лежит. Вдруг приходит медведь и давай таскать репу — нагрёб целое беремя[1] и полез через плетень.

Старик вскочил, бросил в него топором и отрубил ему лапу. Сам убежал, спрятался.

Заревел медведь и ушёл на трёх лапах в лес.

Старик взял отрубленную лапу, принёс домой:

— На, старуха, вари.

Старуха ободрала медвежью лапу, варить поставила, шерсть с кожи общипала, на кожу села и начала шерсть прясть.

Старуха прядёт. А медведь сделал себе липовую ногу и пошёл к старику со старухой.

Вот медведь идёт, нога поскрипывает, он сам приговаривает:

— Скырлы́, скырлы́, скырлы́,
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

Старуха услышала это и говорит:

— Поди-ка ты, старик, запри дверь, медведь идёт...

А медведь уже в сени вошёл, дверь отворяет, сам приговаривает:

— Скырлы́, скырлы́, скырлы́,
На липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,

[1] Беремя — охапка; сколько можно обхватить руками. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

По деревням спят,
Одна баба не спит —
На моей коже сидит,
Мою шерсть прядёт,
Моё мясо варит.

В те поры старик со старухой испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха — на печь, под чёрные рубахи.

Медведь влез в избу, стал искать старика со старухой, да и угодил в подполье.

Тут собрался народ, и убили медведя.

МИЗГИРЬ

В старопрежние годы в красну́ весну, в тёплое лето сделалась такая срамота, в мире тягота — стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пускать.

Появился паук-мизгирь, удалой добрый молодец, стал он ножками трясти да мере́жки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Муха пролетала да к мизгирю в сеть попала. Тут её мизгирь стал бить да губить, за горло давить. Муха мизгирю взмолилась:

— Батюшко мизгирь, не бей ты меня, не губи ты меня: у меня много останется детей-сирот — по дворам ходить и собак дразнить.

Тут её мизгирь и отпустил. Она полетела, всем комарам да мошкам весть посылала:

— Ой, вы еси, комары да мошки, убирайтесь под осиновое корище! Появился мизгирь-борец, стал ножками трясти, мере́жки плести, ставить на пути, на дорожке, куда летают комары да мошки.

Они и полетели, забились под осиновое корище, лежат мертвы...

Мизгирь пошёл, нашёл сверчка, таракана и лесного клопа.

— Ты, сверчок, сядь на кочо́к — курить табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиновое корище — проложи про меня, мизгиря-борца, добра

молодца, такую славу, что меня вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочо́к курить табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошёл под осиновое корище и говорит:

— Что запали[1], лежите мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: его в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Комары да мошки возрадовались и возвеселились, в разные стороны залетали, да к мизгирю в сеть и попали.

Он и говорит:

— Так-то почаще бы ко мне в гости бывали!

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Жили-были петушок и курочка. Вот пошёл град. Испугалась курочка и кричит:

— Петушок, петушок! Беда! Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают! Бежим отсюда!

И побежали. Бежали, бежали. Им навстречу — заяц:

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали втроём. Им навстречу — лиса:

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

— Куда, петушок, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!

— Куда, курочка, бежишь?

— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!

— Возьмите меня!

И побежали вчетвером. Им навстречу — волк:

— Куда, лиса, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!

— Куда, зайчик, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!

---

[1] Запа́ли — то есть завалились, лежат без движения. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

— Куда, петушок, бежишь?
— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!
— Куда, курочка, бежишь?
— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
— Возьмите меня!

И побежали впятером. Им навстречу — медведь:
— Куда, волк, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай лису!
— Куда, лисичка, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай зайца!
— Куда, зайчик, бежишь?
— Не спрашивай меня, спрашивай петушка!
— Куда, петушок, бежишь?
— Ай, не спрашивай меня, спрашивай курочку!
— Куда, курочка, бежишь?
— Бояре наехали, палят, стреляют, нас убивают!
— Возьмите меня!

И побежали вшестером. Бежали, бежали да в глубокую яму и упали. Долго они в яме сидели, есть захотели, а выйти не могут.

Вот лиса и говорит:

— Давайте имена спрашивать! Чьё имя хуже, того и съедим.

И запела лиса:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.
Заяц-зайчу́хно — имечко хорошее.
Петух-петушу́хно — имечко хорошее.
Кура-окура́ва — имя худое!

Тут курочку и съели.

Прошло немного времени — опять есть хочется. Лиса запела:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.
Заяц-зайчу́хно — имечко хорошее.
Петух-петушу́хно — имя худое!

И съели петушка.
Посидели — опять есть захотели. Лиса запела:

Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имечко хорошее.
Заяц-зайчу́хно — имя худое!

Съели и зайца. Долго ли, коротко ли, опять есть захотели. Лиса запела:

— Медведь-медведу́хно — имечко хорошее.
Лиса-олиса́ва — имечко хорошее.
Волк-волчу́хно — имя худое!

Разорвал медведь волка. Стали они с лисой есть. Лиса часть съела, а другую-то припрятала. Сидели-сидели, опять проголодались. Лиса потихоньку начала есть припрятанное, а медведь спрашивает:

— Чем, лисанька, лакомишься?
— Кишочки свои достаю и ем.
— А как ты их достаёшь?
— Распорола брюхо и достаю.

Медведь поверил и распорол себе брюхо.

Осталась лиса одна в яме. Прошло немного времени, летит мимо птичка-синичка. Лиса и кричит ей:

— Птичка-синичка, выручи меня из беды!
— А как я тебя выручу?
— Наноси в яму веток!

Наносила птичка-синичка в яму веток, и выбралась лисица на волю.

ЛИСА И ДРОЗД

Дрозд на дереве гнёздышко свил, яички снёс и вывел детёнышей. Узнала про это лисица. Прибежала и — тук-тук хвостом по дереву.

Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

— Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да мёдом накормлю.

— Ну, накормишь пирогами да мёдом — не буду дерева рубить!

— Вот пойдём со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идёт старуха со внучкой, несут корзину пирогов и кувшин мёду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли, да и сядет, взлетит, да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

— Давай поймаем эту птичку!

— Да где нам с тобой поймать!

— Как-нибудь поймаем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха со внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвёл их дрозд от пирогов да от мёду. А лисица не зевала: вволю пирогов да мёду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в своё гнездо.

А лиса тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

— Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

— Ну, пойдём скорей! Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит — едет мужик, везёт бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь[1], а мужик как ударит топором — и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда.

---

[1] Гвоздём в данном случае называется деревянная затычка в бочке. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

А пиво из бочки на дорогу льётся. Лиса напилась, сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в своё гнездо. Лисица опять тут как тут — тук-тук хвостом по дереву:

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повёл дрозд лису в деревню. Видит — старуха корову доит, а рядом старик лапти плетёт.

Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

— Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! — И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула. Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в своё гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

— Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

— Накормил!

— Напоил ты меня?

— Напоил!

— Рассмешил ты меня?

— Рассмешил!

— Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

— Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит — покрикивает, а лисица бежит за ним — глаз не открывает.

Привёл дрозд лису прямо на охотников.

— Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак и — наутёк. А собаки — за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

— Глазки, глазки, что вы делали?

— Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

— Ушки, ушки, что вы делали?

— Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.

— А ты, хвостище, что делал?

— Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

— Нате, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили её из норы.

ЛИСА И РАК

Лиса говорит раку:

— Давай перегоняться!

— Что ж, лиса, давай.

Начали перегоняться.

Лиса побежала, а рак уцепился лисе за хвост.

Лиса до места добежала, обернулась посмотреть, вильнула хвостом, рак отцепился и говорит:

— А я уж давно тут тебя жду.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Бежала лисица по лесу, увидела на дереве тетерева и говорит ему:

— Терентий, Терентий! Я в городе была.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была так была.

— Терентий, Терентий! Я указ добыла.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла так добыла.

— Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревам, а всё бы гулять по зелёным лугам.

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять так гулять.

— Терентий, Терентий! Кто там едет?

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Мужик.

— Терентий, Терентий! А за мужиком кто бежит?

— Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Жеребёнок.

— Терентий, Терентий! А какой у него хвост-то?

— Крючком.

— Ну так прощай, Терентий, мне дома недосуг.

ЛИСА И ПЕТУХ

Зачинается, починается хорошая сказка, добрая повесть не от сивки, не от бурки, не от верного каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику. Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди.

Шла лисица на боярский двор, хотела съесть из телятника телёнка, из курятника курёнка, от овцы ягнёнка, от свиньи поросёнка.

Вор-петух лису увидал, крыльями-перьями замахал и запел — на весь двор зашумел.

Весь народ сбежался: старые старухи с лопатами, с ухватами; старые старики с топорищами, с коромыслами; малые ребята с мутовками, с колотовками — хотят лису бить.

Насилу лисица убралась, убежала в лес, под ольховый куст пала и три дня там пролежала.

Вот петух пошёл в чистое поле, взлетел на высокое дерево, сел и сидит.

А лисица отлежалась, пошла по чистому полю. Идёт возле того дерева, взвела око ясное, видит — сидит петух.

— Что, вор-петух, по своей ли охоте летаешь или за нами, зверями, наблюдаешь?

— Э, мать-лисица! Я по своей охоте летаю, ни за кем я не наблюдаю.

— Что, вор-петух! Без покаяния на высоком дереве погибнешь. Слезь да покайся, много ли у тебя грехов на душе.

Тут петух умилился, стал спускаться с ветки на ветку, с сучка на сучок, с пенька на пенёк. Спустился на землю и сел перед лисицей.

Лисица к нему подбегала, крепко петуха в когти хватала, крылышки-пёрышки расправляла, начала трепать да приговаривать::

— Что, вор-петух! Когда мне была крайняя нужда, когда я была голодна, к богатому боярину шла, хотела что-нибудь съесть, много ли бы у него убыло? А тогда ты первый горло драл!

Петух на то сказал:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Тебя люди знают, купцы да бояре почитают, шубки из тебя шьют и по праздникам носят. А моё дело маленькое: у одного хозяина живу — двум не служу.

— Вор-петух! Не строй лясы![1]

И пуще стала петуха трепать.

Петух опять:

— Э, мать-лисица, княгиня-государыня! Вот у тебя буду жить и тебе верой-правдой служить! Будешь ты просвиры[2] попекать, а я буду просвиры продавать да песенки попевать. Пойдёт про нас слава добрая...

Лисица и приослабила когти. Петух вырвался да взлетел повыше на дерево:

— Э, мать-лисица, дорогая боярыня-просвирня, сладки ли твои просвиры? А не хочешь ли орехов? Не выломай зубов!

Упустила лисица поживу и пошла прочь несолоно хлебавши.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлём подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошёл журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

— Покушай, голубчик куманёк,— сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так всё сама и съела.

Кашу съела и говорит:

— Не обессудь, куманёк! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он пригото-

---

[1] Строить ля́сы — От ля́сить — балясничать, балагурить, пустословить, шутить. Ля́сы — шутки, потешные рассказы, остроты, хитрые, льстивые речи.

[2] Просви́ры — маленькие хлебцы, употребляемые при церковном обряде; просви́рня — женщина, выпекающая их.

вил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и этак, и лизнёт его, и понюхает-то, — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла — несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летела сова — весёлая голова.

Вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела — летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела и опять полетела — летала, летала...

Это присказка, а сказка вот какая.

Жили-были на болоте журавль да цапля. Построили они себе по концам[1] избушки.

Журавлю стало скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Дай пойду посватаюсь к цапле!

Пошёл журавль, — тяп-тяп! — семь вёрст болото месил.

Приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то тебе меня нечем! Ступай прочь, долговязый!

Пошёл журавль домой несолоно хлебавши.

Цапля после раздумалась:

«Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля».

---

[1] По конца́м — то есть журавль на одном конце болота, а цапля — на другом. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся.

Цапля заплакала со стыда и воротилась домой.

Ушла цапля, а журавль раздумался:

«Напрасно не взял за себя цаплю! Ведь одному-то скучно».

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться, пойди за меня!

— Нет, журавль, не пойду за тебя замуж!

Пошёл журавль домой. Тут цапля раздумалась:

«Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду».

Приходит она свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сию пору один к другому свататься, да никак не женятся.

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу — пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрёл на избушку. Залез на чердак и полёживает себе. А захочет есть — пойдёт в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта — и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

— Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса. — Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама всё спрашивает:

— Котофей Иванович, женат ты или холост?

— Холост.

— И я, лисица,— девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк:

— Стой, лиса! Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придётся, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придётся!

Волк побежал за бараном, а лиса — домой.

Идёт лиса, и повстречался ей медведь:

— Стой, лиса, кому утку несёшь? Отдай мне!

— Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

— А кто такой Котофей Иванович?

— А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы — Котофея Ивановича — жена.

— А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидал, а то тебе туго придётся!

Медведь пошёл за быком, а лиса — домой.

Вот принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит — медведь лезет с быком.

— Здравствуй, Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

— А ты сходи-ка к ним, позови,— говорит медведь волку.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

— Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг — откуда ни возьмись — бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

— Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

— Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

— А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

— Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Ма́у, ма́у!..

Медведь опять говорит волку:

— Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберётся!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услыхал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется — и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну,— думает медведь,— увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печёнки отбил, вскочил — да наутёк.

А лисица вслед кричит:

— Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

СТАРИК И ВОЛК

У старика со старухой были паренёк да девушка, петушок да курочка, пятеро овец, шестой — жеребец.

Прибежал к избушке голодный волк и завыл:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренёк да девушка,
Петушок да курочка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренёк в сапо́жках,
Девушка в серёжках!

Старик, старик, отдай петушка да курочку, а то съем старуху!

Жалко стало старику петушка да курочку, но — делать нечего — отдал их волку.

На другой день волк опять прибежал:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренёк да девушка,
Пятеро овец,
Шестой — жеребец.
Паренёк в сапожках,
Девушка в серёжках!

Старик, старик, отдай овечек, а то съем старуху!

Жалко стало старику овечек, а старуху ещё жальче,— отдал он волку овечек.

На третий день прибежал волк:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренёк да девушка,
Да соломенный хлевец,
А в нём — жеребец.
Паренёк в сапожках,
Девушка в серёжках!

Старик, старик, отдай жеребца, а то съем старуху!

Отдал старик жеребца. Волк наутро опять прибегает:

— Старик да старушка
Жили на горушке
В глиняной избушке.
У старика, у старушки —
Паренёк да девушка.
Паренёк в сапожках,
Девушка в серёжках!

Старик, старик, отдай паренька да девушку, а то съем старуху!

Старику так жалко стало паренька да девушку, схватил он кочергу и давай возить волка. Бил, бил, покуда у того брюхо не лопнуло, и выскочили оттуда жеребец, а за ним пятеро овец, а за овечками и петушок с курочкой.

КАК СТАРУХА НАШЛА ЛАПОТЬ

Шла по дороге старуха и нашла лапоть. Пришла в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ну, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне лапоть положить?

— Клади под лавку.

— Нет, мой лапоть привык в курятнике спать.

И положила лапоть с курами.

Утром встала и говорит:

— Где-то моя курочка?

— Что ты, старуха,— говорит ей мужик,— ведь у тебя лапоть был!

— Нет, у меня курочка была! А не хотите отдать, пойду по судам, засужу!

Ну, мужик и отдал ей курочку.

Старуха пошла дальше путём-дорогой. Шла, шла — опять вечер. Приходит в деревню и просится:

— Пустите меня ночевать!

— Ночуй, ночуй — ночлега с собой не носят.

— А куда бы мне курочку положить?

— Пусть с нашими курочками ночует.

— Нет, моя курочка привыкла — с гусями.

И посадила курочку с гусями.

А на другой день встала:

— Где моя гусочка?

— Какая твоя гусочка? Ведь у тебя была курочка!

— Нет, у меня была гусочка! Отдайте гусочку, а то пойду по судам, по боярам, засужу!

Отдали ей гусочку.

Взяла старуха гусочку и пошла путём-дорогой. День к вечеру клонится. Старуха опять ночевать выпросилась и спрашивает:

— А куда гусочку на ночлег пустите?

— Да клади с нашими гусями.

— Нет, моя гусочка привыкла к овечкам.

— Ну, клади её с овечками.

Старуха положила гусочку к овечкам.

Ночь проспала, утром спрашивает:

— Давайте мою овечку!

— Что ты, что ты, ведь у тебя гусочка была!

— Нет, у меня была овечка! Не отдадите овечку, пойду к воеводе судиться, засужу!

Делать нечего — отдали ей овечку.

Взяла она овечку и пошла путём-дорогой. Опять день к вечеру клонится. Выпросилась ночевать и говорит:

— Моя овечка привыкла дома к бычкам, кладите её с вашими бычками ночевать.

— Ну, пусть она с бычками переночует.

Встала утром старуха:

— Где-то мой бычок?

— Какой бычок? Ведь у тебя овечка была!

— Знать ничего не знаю! У меня бычок был! Отдайте бычка, а то к самому царю пойду, засужу!

Погоревал хозяин — делать нечего, отдал ей бычка.

Старуха запрягла бычка в сани, поехала и поёт:

— За лапоть — куру,
За куру — гуся,
За гуся — овечку,
За овечку — бычка...
Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу ей идёт лиса:

— Подвези, бабушка!

— Садись в сани.

Села лиса в сани, и запели они со старухой:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу идёт волк:

— Пусти, бабка, в сани!

— Садись.

Волк сел. Запели они втроём:

— Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

Навстречу — медведь:

— Пусти в сани!

— Садись.

Повалился медведь в сани и оглоблю сломал. Старуха говорит:

— Поди, лиса, в лес, принеси оглоблю!

Пошла лиса в лес и принесла осиновый прутик.

— Не годится осиновый прутик на оглоблю.

Послала старуха волка. Пошёл волк в лес, принёс кривую, гнилую берёзу.

— Не годится кривая, гнилая берёза на оглоблю.

Послала старуха медведя. Пошёл медведь в лес и притащил большую ель — едва донёс.

Рассердилась старуха. Пошла сама за оглоблей.

Только ушла — медведь кинулся на бычка и задавил его. Волк шкуру ободрал. Лиса кишочки съела. Потом медведь, волк да лиса набили шкуру соломой и поставили около саней, а сами убежали.

Вернулась старуха из леса с оглоблей, приладила её, села в сани и запела:

— Шню, шню, бычок,
Соломенный бочок,
Сани не наши,
Хомут не свой,
Погоняй — не стой...

А бычок ни с места. Стегнула бычка, он и упал. Тут только старуха и поняла, что от бычка-то осталась одна шкура.

Заплакала старуха и пошла одна путём-дорогою.

О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси.

Лещи, окуни, ерши собрались глазеть на неё и дивовались такому чуду:

— Экая щука уродилась зубастая!

И стала она расти не по дням — по часам: что ни день, то на вершок прибавится.

И стала щука в Шексне похаживать да лещей, окуней

полавливать: издали увидит леща, да и хватит его — леща как не бывало, только косточки на зубах хрустят.

Экая оказия случилась на Шексне!

Что делать лещам да окуням? Тошно приходится: щука всех приест, прикорнает[1].

Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать: как перевести щуку зубастую да такую тароватую.

Пришёл Ерш Ершович и так наскоро проговорил:

— Полноте думу думать да голову ломать, а вот послушайте, что я буду баять[2]. Тошно нам всем теперь в Шексне, переберёмтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку, там нас никто не тронет, будем жить припеваючи.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки — Сизму, Коному да Славенку.

По дороге как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил ушицу.

С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Много наделала хлопот щука зубастая, да после и сама несдобровала.

Как не стало мелкой рыбицы, пошла щука хватать червяков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил из неё уху, хлебал да хвалил: такая уха была жирная.

Я там был, вместе уху хлебал, по усам текло, да в рот не попало.

БАЙКА ПРО ТЕТЕРЕВА

Захотел тетерев дом строить.

Подумал-подумал:

«Топора нет, кузнецов нет — топор сковать некому».

Некому выстроить тетереву домишко.

«Что ж мне дом заводить? Одна-то ночь куда ни шла!»

Бултых в снег!

В снегу ночку ночевал, поутру рано вставал, по вольному

---

[1] Прикорнáть — погубить. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

[2] Бáять — рассказывать. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

свету полетал, громко, шибко покричал, товарищей поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищем.

Они играли, по кусточкам бродили, местечко искали, гнёздышко свивали, яичушки сносили и деток выводили.

С детками они во чисто́ поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали.

«А одна-то ночь куда ни шла! Чем нам дом заводить, лучше на берёзыньках сидеть, во чисто́ поле глядеть, красну весну встречать, шулдар-булдары кричать!»

КАК ЛИСА УЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

Встретился с лисицей журавль:

— Что, лисица, умеешь ли летать?

— Нет, не умею.

— Садись на меня, научу.

Села лисица на журавля. Унёс её журавль высоко-высоко.

— Что, лисица, видишь ли землю?

— Едва вижу: с овчину земля кажется!

Журавль её и стряхнул с себя.

Лисица упала на мягкое место, на сенную кучу.

Журавль подлетел:

— Ну как, умеешь, лисица, летать?

— Летать-то умею — садиться тяжело!

— Садись опять на меня, научу.

Села лиса на журавля. Выше прежнего унёс он её и стряхнул с себя.

Упала лисица на болото: на три сажени ушла в землю.

Так лисица и не научилась летать.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть.

Пошли они в лес дрова рубить. Дошли до реки и не знают, как перейти через реку.

Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывём!

— Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдём.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошёл по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду.

А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

КОТ — СЕРЫЙ ЛОБ, КОЗЁЛ ДА БАРАН

Жили-были на одном дворе козёл да баран; жили промеж себя дружно: сена клок, и тот пополам. А коли вилы в бок — так одному коту Ваське! Он такой вор и разбойник, каждый час на промысле, и где что плохо лежит, так у него брюхо болит.

Вот лежат себе козёл да баран и разговаривают. Откуда ни возьмись — котишко-мурлышко, серый лбишко, идёт да таково жалостно плачет.

Козёл да баран его спрашивают:

— Кот-коток, серенький лобок, о чём ты плачешь, на трёх ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня хозяйка, уши выдирала, ноги приломала, да ещё и удавить обещала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— А за то мне погибель, что сметанку слизал!

И опять заплакал кот-мурлыка.

— Кот-коток, серый лобок, о чём же ты ещё-то плачешь?

— Как мне не плакать? Баба меня била да приговаривала: «К нам-де придёт зять, где будет сметаны взять? Поневоле придётся колоть козла да барана!»

Заревели козёл да баран:

— Ах ты, серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут кот-мурлыка вину свою приносил и прощенья просил. Козёл да баран его простили и стали втроём думать: как быть и что делать?

— А ну, середний брат,— спросил кот барана,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся баран, с разбегу стукнулся о ворота лбом — покачнулись ворота, да не отворились.

— А ну, старший брат,— спросил кот козла,— крепок ли у тебя лоб? Попробуй-ка о ворота.

Поднялся козёл-козлище, разбежался, ударился — ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козёл да баран, а за ними скачет на трёх ногах кот — серый лоб.

Устал кот, взмолился нава́ным братьям:

— Козёл да баран, не оставьте меньшо́го брата...

Взял козёл кота, посадил его на себя, и поскакали они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам.

Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое кру́тище, ста́ново стано́вище. Под тем кру́тищем — скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят.

Остановились козёл, баран и кот отдыхать.

А ночь была осенняя, холодная. Где огня добыть?

Думают козёл да баран, а кот — серый лоб уже добыл берёсты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами.

Стукнулись козёл с бараном, да так крепко — искры из глаз посыпались,— берёста и запылала.

Развели они огонь, сели и греются.

Не успели путём обогреться — глядь, жалует незваный гость — медведь:

— Пустите обогреться, отдохнуть, что-то мочи моей нет...

— Садись с нами, Михайло Иванович! Откуда идёшь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками.

Стали они вчетвером делить тёмную ночь: медведь под стогом, кот — серый лоб на стогу, а козёл с бараном — у костра.

Вдруг идут семь серых волков, восьмой — белый, и — прямо к стогу.

Заблеяли козёл да баран со страху, а кот — серый лоб такую речь повёл:

— Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшо́го брата: он сердит, как расходится — никому несдобровать. Али не видите у него бороды: в ней-то и сила, бородою он зверей побивает, а рогами только кожу снимает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть, силу попытать с меньшим братишкой, вон с тем, что под стогом лежит.

Волки на том коту поклонились, обступили медведя и

стали его задирать. Вот медведь крепился, крепился — да как хватит на каждую лапу по волку! Перепугались они, выдрались кое-как — да, поджав хвосты, давай наутёк.

А козёл да баран тем временем подхватили кота, побежали в лес и опять наткнулись на серых волков.

Кот живо вскарабкался на макушку ели, а козёл с бараном обхватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубами лязгают.

Видит кот — серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, кот, давеча двух волков съел с косточками, так ещё сытёхонек, а ты, бо́льшой брат, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, козёл сорвался и упал прямо рогами на волка. А кот знай своё кричит:

— Держи их, лови их!

Тут на волков напал такой страх — пустились бежать без оглядки. Так и убежали.

А кот — серый лоб, козёл да баран пошли своей дорогой.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья.

Вот старик и говорит старухе:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику!

— Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал — не мог найти петуха.

Вечером опять говорит старухе:

— Не нашёл я петуха, придётся нам свинью заколоть!

— Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью — не нашёл:

— Придётся барана зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

— Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес.

Вышел старик во двор — нет ни барана, ни гуся. Искал, искал — не нашёл:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придётся, видно, быка зарезать!

— Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно. Живут беглецы — горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима.

Вот бык пошёл к барану:

— Как же, братцы-товарищи? Время приходит студёное — надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

— У меня шуба тёплая, я и так прозимую.

Пошёл бык к свинье:

— Пойдём, свинья, избу рубить!

— А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюсь в землю и без избы прозимую.

Пошёл бык к гусю:

— Гусь, пойдём избу рубить!

— Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь — меня никакой мороз не проймёт.

Пошёл бык к петуху:

— Давай избу рубить!

— Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

— Ну,— говорит,— вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полёживает, греется.

А зима завернула холодная — стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может — и пошёл к быку:

— Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

— Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба тёплая, ты и так прозимуешь.

— А коли не пустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал, думал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

— Ну, заходи.

Баран вошёл в избу и перед печкой на лавочку лёг.

Немного погодя прибежала свинья:

— Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

— Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы — ты в землю зароешься.

— А не пустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроет она углы, уронит избу».

— Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньёй гусь летит:

— Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

— Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься — и так прозимуешь.

— А не пустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашёл гусь в избу и сел на шесток.

Немного погодя прибегает петух:

— Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу!

— Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.

— А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе — впятером — поживают. Узнали про это волк и медведь.

— Пойдём, — говорят, — в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

— Иди ты вперёд, ты здоровый.

— Нет, я ленив, ты шустрей меня, иди ты вперёд.

Волк и пошёл в избушку. Только вошёл — бык рогами его к стене и припёр. Баран разбежался — да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

— Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съесть волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегает по брусу да кричит:

— А вот ка́к, да куда́к, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко[1] здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

[1] Гужи́шко — гуж, петля в упряжи, которая соединяет хомут с оглоблей и дугой. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Медведь услышал крик — да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

— Ну, что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в чёрном армячище, да меня ухватом-то к стене и припёр. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да всё обухом по бокам. А ещё поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегает по брусу да кричит: «А вот ка́к, да куда́к, да подайте его сюда! И ножишко здесь и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съесть его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

СОДЕРЖАНИЕ

Для младшего возраста

СКАЗКИ

в обработке А. Н. Толстого

ИБ № 9706

Ответственный редактор Г. И. Гусева. Художественный редактор А. Б. Сапрыгина. Технический редактор Е. В. Буташина. Корректор Т. Г. Бриллиантова.

Сдано в набор 11.12.86. Подписано к печати 08.05.87. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бум. офсет. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать офсет. Усл. печ. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 11,7. Уч.-изд. л. 3,82. Тираж 4 000 000 (1-й завод 1—2 000 000 экз.). Заказ № 1348. Цена 15 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Т52 **Сказки** в обработке А. Н. Толстого/ Рис. Т. Васильевой.— М.: Дет. лит., 1987.— 63 с., ил.

15 к.

В книгу вошли русские народные сказки в обработке А. Н. Толстого: «Колобок», «Теремок», «Коза-дереза», «Лиса и дрозд», «Как старуха кашла лапоть», «О щуке зубастой», «Зимовье зверей» и другие.

$С\frac{4803010101-338}{М101(03)87}145-87$ РФ

15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»